



В чулане мозга

Можно ли верить социологии? Вопрос риторический



Фото: Агентство «Москва»

11:11, 25 августа 2025,

Антон Орехъ



полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В стране, где под сомнение поставить можно что угодно, а исказить можно все подряд, — как доверять отдельно взятой общественной дисциплине? Тем более напрямую связанной с политикой и идеологией. Но если мы не можем считать данные социологов абсолютно достоверными, то можем хотя бы понять, что они хотят нам сказать этими процентами, какую установку выполняют или какой, простите, месседж, несут.

И вот очередной опрос про Сталина. Прочитал на сайте «Ведомостей», решил написать текст, приступил, еще раз зашел на тот же сайт с той же заметкой... А лид у нее уже другой. Было: «Только 2% россиян негативно высказываются против памятников Сталину». Стало: «ВЦИОМ: 62% россиян поддерживают установку досок об успехах Сталина». Вроде бы и смысл не радикально иной, но разница есть. А что же в оригинале ВЦИОМ? А оригинала — нет! 404 вместо страницы. Был ли опрос? Если был — куда делся? Сам ли исчез по ошибке, или ему «помогли»?

Но поскольку про это исследование написали не только «Ведомости», а очень много кто и цифры у всех совпадают, а памятники Сталину — это реальность, как реальностью является и рост его популярности, то текст свой я решил не отменять. Хотя бы потому, что регулярно хожу мимо дома в районе Бауманской, на фасаде которого висят таблички «Последнего адреса». И регулярно читаю о том, как аналогичные таблички под разными предлогами или вовсе без предлогов отрывают с домов.

И куда больше удивляешься сохранению памяти, нежели ее истреблению. Как удивляешься решению суда о демонтаже монумента генералиссимусу-злодею в

Вологодской области. Потому что установлено их в 2025 году в разных городах страны шесть штук, а всего уже 110.

Если все-таки обратиться к вЦИОМовским данным, которые успели обнародовать до их странного исчезновения из первоисточника, то там много любопытного. Не только 62% считают, что нужно устанавливать доски, бюсты, ростовые статуи, посвященные успехам Сталина, но и 65% — против установки знаков, сообщающих нам о преступлениях и «неудачах» этого персонажа. Что говорят сторонники? «Это часть нашей истории, наши дети должны о ней знать». И, разумеется, про то, что «Сталин выиграл войну», «сделал страну великой». Но любопытно, что среди тех 28%, которые полагают, что увековечивать нужно и память о преступлениях, большинство тоже считают, что «люди должны знать всю правду, а не только о достижениях».

Дети, люди — обязаны знать. Но знать о чем-то одном. Кто-то считает, что высветить надо хорошее, кто-то — плохое, но, кажется, большинство не хочет «играть в объективность»: 59% ответили, что нейтральную информацию о Сталине вроде посещения такого-то города или выступления с речью вовсе не обязательно размещать в публичных местах. То есть лучше или хвалить, или ругать. Памятники у нас не просто фиксируют исторические события или закрепляют имена, а несут заряд с каким-то знаком.

Коллега Андрей Калитин в своем ТГ-канале зацепился за те 2%, первоначально отмеченные и «Ведомостями» — тех людей, которые негативно относятся к памятникам Сталину, — ведь есть же статистика, которая напоминает нам о том, что во время Большого террора 30-х было расстреляно около 800 тысяч человек, а если приплюсовать к ним членов семей казненных,

то получатся те же самые 2% населения СССР того времени. И выходит так, что память о самых страшных злодеяниях в истории страны выветривается из общественного сознания за 70–80–90 лет, постепенно превращаясь в пресловутую статистическую погрешность.



Фото: Эмин Джафаров / Коммерсантъ

Но это мы говорим про память, а если про жертв? Население СССР перед войной — около 200 миллионов. В совокупности в период 30–50-х еще на сколько-то десятков миллионов больше. Жертвами репрессий в той или иной мере стали около 20 миллионов граждан. Сколько это в процентах? 7–8%? Каждый тринадцатый? Много это? Конечно, много! Чудовищно много! Но, с другой стороны, — 12 из 13 человек не пострадали. Абсолютное большинство. А мы по себе же прекрасно знаем, что если нас напрямую что-то не касается, то оно нас и не касается, не волнует то есть. Гибнут, страдают, бедствуют какие-

то другие люди, но не мы. Сейчас сколько разговоров — и среди Z-патриотов, и среди пацифистов — о безразличии. Идет СВО, а люди живут обычной жизнью, ходят в рестораны и театры, гуляют, смеются — словно ничего не происходит. Но ведь и в 1937–38-м они тоже гуляли, ходили в театры и даже в рестораны. Миллионы репрессированы, но десятки миллионов вспоминали молодость, любовь, работу, небо голубое и траву зеленую. Эти десятки миллионов передавали свою память потомкам. А тех, кто мог и хотел (это тоже важно) рассказывать об ужасах, — их было гораздо меньше.

Или взять войну. Которая касалась уже практически каждого советского человека. Как с годами и десятилетиями от правды о войне почти ничего не осталось, а глянца и фанфар становилось все больше и больше,

и мы пришли к сегодняшнему «можем повторить» и всякому идиотизму типа наклеек «На Берлин!» и «За немками» на машинах. Свойство человеческой памяти очень простое: хорошее холить и укрупнять, а плохое минимизировать и прятать в чулан мозга.

Памятники в этом смысле помогают не всегда. Тысячи улиц, площадей и переулков названы в честь каких-то людей. Мы живем на этих улицах, ходим по этим переулкам — что мы знаем об этих людях? Очень часто — вообще ничего. Имя и имя. Просто какой-то адрес для доставки или такси. Конечно, про Сталина народ знает, кто он. Не твердо знает, какой он был, — но имя знает наверняка. Повлияет ли установка любого памятника с любым знаком на это отношение? Тысячи типовых памятников Ленину укрепили веру в него или просто стали

частью пейзажа? А не привело ли это массовое навязывание образа к его отторжению?

Я всегда был за сохранение памятников прошлого — но с обязательными пояснительными табличками, кем был этот человек и как изменилась оценка его личности и деятельности в тех пор, как памятник был установлен. Памятник большевику или табличка с названием улицы в его честь — и сноска про все его «подвиги». Хотя при этом нужно понимать, что памятники, конечно, важны и создают исторический фон жизни, но историческая зрелость нации определяется, конечно, другими вещами. Учебниками и учителями в школе, которые не врут. Властями, которые не борются с дискредитацией истории, фактически переписывая ее под себя, а говорят честно, не скрывая даже самых стыдных и безобразных подробностей прошлого. Умеющими признавать ошибки и преступления и мужество говорить о них. А памятники на этом фоне хоть и важная, символическая, но все-таки второстепенная деталь.